

*Н.Н. Серегин***Опыт выделения социально значимых элементов погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая****N.N. Seregin***The Experience of Allocation of the Funeral Rite Socio-Significant Elements Peculiar to the Turk Culture's People in the Sayan-Altay Region**

Представлен опыт выделения «социальных маркеров» погребального обряда населения тюркской культуры Саяно-Алтая. Вариабельность наземных и внутримогильных сооружений и ритуала nomadов в большинстве случаев не была обусловлена причинами социального характера. Основным критерием для определения прижизненного статуса человека является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, зафиксированного рядом с умершим. Анализ наборов вещей из погребений тюркской культуры позволил не только обозначить социальную значимость конкретных предметов, но и выделить комплексы «власти» и «богатства», отражающие положение человека в обществе.

Ключевые слова: тюркская культура, Саяно-Алтай, погребальный обряд, социальная история, раннее Средневековье, письменные источники.

В ходе реконструкции организации конкретных древних и средневековых обществ по материалам изучения погребальных комплексов важным этапом является выявление так называемых социальных маркеров – элементов обряда, представляющих собой более или менее объективный показатель прижизненного статуса и положения индивида. Основания для выводов в этом направлении должны быть получены в процессе всестороннего анализа памятников. Непременным условием также является привлечение дополнительных сведений из письменной истории, этнографии, антропологии и других областей знания.

Основным источником для реконструкции социальной структуры и организации населения тюркской культуры Саяно-Алтая являются погребальные памятники. Работа по выделению социально значимых элементов обряда раннесредневековых кочевников в значительной степени основана на выводах, по-

The article describes the experience of allocation of «social markers» peculiar to funeral rite of the Turk culture's population. The variation of nomad's funeral constructions and ritual was not determined by the reasons of social plan. The main criteria for study on person's state during his life were the quantity and the quality of the artifact's complex which was near the dead. The analysis of the artifacts from the burials of the Turk culture allow us to define the social significance of things and to pick up the complexes of «power» and «riches» which demonstrate the person's state in the society.

Key words: Turk culture, Sayan-Altay region, funeral rite, social history, early Middle Ages, written sources.

лученных в ходе всесторонней систематизации и анализа памятников данной общности. Кроме того, привлекаются результаты изучения письменных источников (китайских династийных хроник, тюркских рунических текстов, фрагментарных свидетельств арабских и византийских авторов), фольклорных и этнографических материалов. Данные источники представляют особую важность при рассмотрении социальной значимости конкретных предметов, обнаруженных в погребениях тюркской культуры. При обозначении «социального веса» различных элементов обряда всецело учитывались результаты изучения половозрастной дифференциации, получившей отражение в погребальной практике населения тюркской культуры. В ходе выделения социальных маркеров для кочевников 2-й половины I тыс. н.э. принимались во внимание результаты изысканий в этом направлении, полученные многими исследователями при изучении

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья» (шифр 2010-1.2.1-300-028-022).

обществ кочевников степей Евразии различных исторических периодов от раннего железного века до позднего Средневековья. Обоснованность проведения подобных аналогий обусловлена наличием комплекса схожих черт и характеристик в существовании объединений кочевников рассматриваемого региона.

Комплексный анализ и интерпретация имеющихся источников и дополнительных материалов позволяют обозначить элементы погребального обряда населения тюркской культуры, вариативность которых была в той или иной степени связана с особенностями социального статуса умершего. Представим кратко результаты работы в указанном направлении.

Изучение погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая позволяет констатировать, что вариативность типов наземных и внутримогильных конструкций, а также ориентировка и положение умерших не являются социально обусловленными показателями. Определенное значение, особенно для «элитных» памятников, имели такие характеристики, как параметры погребальных сооружений и количество захороненных лошадей. Несмотря на специфику отдельных элементов погребального обряда населения тюркской культуры, наблюдается высокая степень унификации черт, которые могут считаться социальными маркерами, поэтому в подобной ситуации основным критерием для определения прижизненного статуса человека являлся качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря.

Корректное определение социальной значимости предметов сопроводительного инвентаря не может быть интуитивным или основываться только на рассмотрении частоты встречаемости находок. Необходим учет комплекса показателей и привлечение дополнительных источников и материалов. К основным относятся следующие факторы:

- 1) материальная ценность предметов;
- 2) символическая значимость вещей;
- 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок;
- 4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем Средневековье («престижная» экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.).

Социальная значимость вещей в определенной степени была обусловлена их материальной ценностью. Подобное утверждение относится в первую очередь к предметам, изготовленным с использованием драгоценных металлов. Важным показателем является качество производства вещей, что отражается в ряде характеристик. К примеру, анализ раннесредневековых предметов тюркской культуры позволил Г.Г. Король и Л.В. Коньковой выделить несколько уровней качества их изготовления [1, с. 27–28]. Определенным показателем также является худо-

жественное оформление вещей, главным образом специфика орнаментации. Вместе с тем данный признак во второй половине I тыс. н.э. был в значительной степени обусловлен хронологическим и этнокультурным факторами.

Не менее важной считается символическая значимость предметов. Ее определение может быть основано на изучении письменных источников, этнографических и фольклорных материалов. Интерес представляет анализ иконографических изображений, на которых нередко изображены элитные слои общества кочевников, а также рассмотрение вещей, встречающихся на каменных изваяниях. Отметим, что в ходе подобной работы обоснованным является привлечение материалов с сопредельных территорий.

Существенным обстоятельством является то, что состав сопроводительного инвентаря в погребениях элитных слоев тюркского общества Саяно-Алтая во многом определялся особенностями взаимоотношений центрального «правительства» и периферийной знати степных империй. В данном случае речь идет о редистрибутивных функциях власти при так называемой престижной экономике [2, с. 96]. По мнению Н.Н. Крадина [3, с. 73], первоочередной обязанностью кагана было получение и перераспределение китайских изделий, а также добычи военных походов. Очевидно, что тюркская знать получала значительную часть «подарков» из Поднебесной империи. Таким образом, важным признаком «элитных» погребений можно считать присутствие среди предметов сопроводительного инвентаря импортных изделий.

Учитывая обозначенные показатели, кратко представим основания для определения социальной значимости различных категорий вещей, обнаруженных в погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая.

Источниковую базу настоящего исследования составили материалы 204 погребений, исследованных на территории Алтая (110 объектов), Тувы (40 объектов) и Минусинской котловины (50 объектов). Основным фактором в ходе отбора памятников из общего количества раскопанных на сегодняшний день могил (более 300) являлось наличие антропологической характеристики умершего либо возможности определения пола на основе имеющихся показателей, выделенных в ходе работы. Учитывались не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, для которых сохранились характеристики, необходимые для полноценного анализа. В итоге учтены 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское. Частота встречаемости конкретных находок, а также вопросы, связанные с половозрастной обусловленностью распространения изделий, представлены ранее [4], поэтому остановимся только на заключениях, связанных с социальной значимостью вещей.

Обоснованным является выделение из совокупности предметов сопроводительного инвентаря «комплекса власти», включающего показатели военноподчиненческого могущества и политического статуса, и «комплекса богатства», объединяющего признаки высокого имущественного положения, материального достатка. Подобный подход, опыт теоретического осмысления и практической реализации которого представлен в ряде исследований [5, с. 18; 6, с. 20], позволяет не только корректно обозначить значимость конкретных категорий предметов, но также на последующих этапах работы способствует осуществлению более объективной интерпретации как отдельных погребений, так и выделенных групп объектов.

«Комплекс власти» в обществе кочевников тюркской культуры был представлен главным образом предметами вооружения. Оружие дистанционного боя (лук и стрелы) являлось весьма распространенным и не маркировало погребения знатных воинов. Показателем высокого статуса умершего было наличие меча, кинжала и копья, а также доспеха. Имеются все основания для того, чтобы предполагать высокую степень распространения обозначенных предметов в раннем Средневековье. В письменных источниках нередко упоминаются об использовании мечей, кинжалов и копий как стандартного для тюркских воинов оружия. Мечи и кинжалы широко представлены на реалистичных каменных изваяниях, изображавших знатных кочевников. Копья являются неперенным атрибутом конных воинов на петроглифах раннего Средневековья. При этом многие всадники облачены в защитный доспех. Следует обратить внимание на то, что зачастую на копьях, изображенных в руках конных воинов, присутствуют дополнительные элементы – бунчуки и небольшие флажки [7, с. 94]. Известно, что подобные атрибуты являлись отличительным признаком знатных воинов, командующих подразделениями различного уровня [8, с. 116–117]. Не исключено, что редкость присутствия копья в погребении было связано с подобными представлениями и являлось показателем знатности умершего. Так или иначе, обоснованным становится предположение о том, что исключительность рассматриваемых предметов в погребениях тюркской культуры была связана не с редкостью их использования, а с тем, что они помещались только в могилы людей, имевших при жизни высокий статус.

Несколько иначе обстоит ситуация с использованием в раннем Средневековье боевого топора. Данный элемент паноплии не упоминается, насколько нам известно, в письменных источниках, а на каменных изваяниях представлен крайне фрагментарно [9, с. 32]. Только несколько раз он зафиксирован на петроглифах [10, с. 72]. Не исключено, что использование тюрками боевых топоров в ходе военных действий было ограниченным, и данные предметы рассматривались как

некий символ власти. Особое значение топора косвенно подтверждается обнаружением рассматриваемых изделий в составе кладов.

Довольно специфичным является распространение в погребальных комплексах тюркской культуры защитного доспеха. Необходимо обратить внимание на то, что подобные изделия представлены в большинстве случаев сравнительно небольшими фрагментами, что может свидетельствовать об их ценности. Кроме того, части панциря встречены только однажды в «стандартном» погребении [11]. В остальных случаях фрагменты защитного доспеха зафиксированы в кенотафах, каменных оградках и «ритуальных» курганах. В данном случае, помимо социальной значимости рассматриваемых предметов, очевидно и другое их значение. В качестве предположения обратим внимание на возможность того, что фрагменты доспеха могли являться своего рода «заменой» отсутствующего человека.

Важным основанием для отнесения обозначенных предметов вооружения к социально значимым элементам вещевого комплекса тюркской культуры является изучение тенденций в их распределении в погребениях. Помимо редкости, существенным показателем в этом отношении можно считать то, что мечи, кинжалы, копья, боевые топоры и фрагменты доспеха в абсолютном большинстве зафиксированы в могилах, при исследовании которых нередко отмечено присутствие «богатого» сопроводительного инвентаря.

К предметам, включенным в «комплекс власти», по всей видимости, следует также отнести плети и стеки. Наибольшее значение, несомненно, имели богато оформленные находки [12]. Не исключено, что определенным символом являлся орнаментированный кочедык [13, с. 268], что также подтверждают тенденции распространения подобных изделий.

«Комплекс богатства» у населения тюркской культуры представлен главным образом предметами торевтики. К подобным изделиям могут быть отнесены следующие категории находок из цветных металлов: наборные пояса, металлические сосуды и зеркала, украшения конской амуниции, а также элементы украшения костюма (серьги, бляхи и др.). Основными показателями являлись сам факт наличия предметов торевтики в могиле, а также материалы, из которого они были изготовлены. Наиболее ценными были находки, произведенные с применением драгоценных металлов. В тех погребениях, где зафиксированы предметы торевтики из серебра или золота, обнаруживаются и другие социально значимые находки (вооружение, импортные вещи и др.). Важным показателем является редкость обнаружения обозначенных вещей. Наборные пояса с накладками из серебра и золота встречены только в 14 (10,52%) мужских погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая. Еще более редкими

являются украшения конского снаряжения и серьги из драгоценных металлов, обнаруженные соответственно в 10 (7,51%) и 9 (6,76%) могилах. Похожие тенденции характерны для погребений женщин. Украшения амуниции лошади и серьги, изготовленные из серебра или золота, зафиксированы только в 7 (17,5%) и 5 (12,5%) объектах. Показательно, что в детских захоронениях предметов торевтики из драгоценных металлов не встречено вообще.

Наблюдаются некоторые закономерности в распространении рассматриваемых изделий на различных территориях. В первую очередь обратим внимание на редкость предметов торевтики в погребениях тюркской культуры Минусинской котловины. В ходе изучения захоронений с конем на этой территории не зафиксировано ни одного случая обнаружения вещей, изготовленных с применением серебра или золота. Исключение представляют отдельные находки из ограбленных памятников тюркской культуры в указанном регионе [14, с. 156; 15, с. 115–117]. Наибольшая концентрация различных категорий предметов торевтики наблюдается в погребениях тюркской культуры Алтая. Именно на этой территории чаще всего фиксируются наборные пояса, украшения конского снаряжения, серьги и сосуды, изготовленные из драгоценных металлов.

Интересно, что подобные же тенденции отмечаются при изучении специфики территориального распространения некоторых «престижных» предметов вооружения. Копья и боевые топоры встречены в ходе раскопок погребений тюркской культуры исключительно на территории Алтая. Также в этом регионе наиболее часто обнаружены мечи, кинжалы и фрагменты защитного доспеха. Обозначенные закономерности в определенной степени могут быть обусловлены тем, что именно на этой территории на сегодняшний день исследовано наибольшее количество погребений тюрок раннего Средневековья.

Добавим, что к «комплексу богатства» следует также отнести фрагменты одежды из шелка, являвшегося, как известно, одним из наиболее распространенных предметов китайского импорта.

Итак, анализ материалов раскопок погребальных комплексов тюркской культуры, а также привлечение дополнительных источников позволили обозначить «социальные маркеры» погребального обряда кочевников. Определенное значение имели такие показатели, как размеры наземных и внутримогильных конструкций и количество лошадей, сопровождавших умершего. В ряде случаев важной характеристикой была планиграфия памятников. Основным критерием следует считать качественно-количественный состав инвентаря. Необходимо отметить, что «социальные маркеры» для лиц обоих полов были различными. Принадлежность мужчины к элитным слоям общества демонстрировали некоторые предметы вооружения, наборный пояс, изготовленный с использованием цветных металлов, а также серебряные сосуды, плети и котлы. В погребениях женщин, имевших при жизни высокий статус, обнаруживаются предметы торевтики, изготовленные с использованием серебра или золота, металлические зеркала и, возможно, отдельные элементы туалета (гребни). Что касается детских захоронений, то безынвентарность многих объектов свидетельствует о том, что помещение любых предметов, а тем более тех, которые являлись престижными для взрослого населения, можно считать «социальным маркером». При этом очевидно, что положение ребенка определялось в первую очередь статусом семьи.

Корреляция встречаемости всех рассмотренных категорий изделий с обозначенными элементами погребального обряда позволяет рассматривать вопросы, связанные с реконструкцией социальной структуры и моделированием организации общества кочевников тюркской культуры раннего средневековья.

Библиографический список

1. Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // *Российская археология*. – 2007. – №2.
2. Васютин С.А. Архаичные элементы политической культуры в тюркских каганатах // *Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии*. – Барнаул, 2004.
3. Крадин Н.Н. Престижная экономика и структура власти в кочевых империях // *VIII Международный конгресс монголоведов (доклады российской делегации)*. – М., 2002.
4. Серегин Н.Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // *Древности Сибири и Центральной Азии*. – №3(15). – Горно-Алтайск, 2010.
5. Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998.
6. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII–XII вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004.
7. Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // *Археология Южной Сибири*. – Вып. 23. – Кемерово, 2005.
8. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая в IV–VI вв. н.э. // *Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху*. – Новосибирск, 2005.

9. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1992.

10. Жолдошов Ч.М. Изображение вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – Вып. I.

11. Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского воина из Балык-Соока // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002.

12. Кызласов Л.Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюна (Алтай) // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVI.

13. Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. IV.

14. Митько О.А. Образ грифона в искусстве народов Евразии в древнетюркскую эпоху // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2.

15. Тетерин Ю.В. Погребение знатного тюрка на среднем Енисее // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – Вып. 2.